

Бахытжан

Кананьянов

*лауреат Государственной премии
Республики Казахстан*

ДОСТОЯНИЕ ДУШИ

* * *

Вдоль горной речки на коне
От озера всё вверх по склону,
Устроившись в седле, – вполне
Устроен быт мой по сезону.

Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Протюркскую основу слова.

Я понимал полет стрекоз
И взмах китайского удода.
По грудь тибетский камень врос
За речкой где-то там у брода.

Выносят камни письма
Тюрки, Тибета, Чагатая,
С наскальным
 эпосом сплетая
На будущие племена.

Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня всё дальше вел
От саков
 до ушедших венгров.

Не раз сменяется трава,
Вот снова за ущельем юрта.
Не обрывается тропа
Доисторического тюрка.

* * *

И комната, и среди ночи ты,
 Прижав к груди, баюкаешь ребенка.
 И в полумраке белая пеленка,
 Как белый флаг притихшей суеты.
 И жизни незасвеченная пленка
 Проявится, сметая тень беды.
 Взгляну глазами своего ребенка
 На просветленные твои черты.

И многое мне надо бы сказать,
 Так многое, что лучше промолчать.
 Вот – пантомима жизни, а не сцены.
 Не важно говорить, важнее знать.
 И, зная, никому не объяснять,
 Невидимые чужа перемены.

ПЕСОК ВРЕМЕН

Там, у подножья Акрополя, видел я деву Эллады,
 Она улыбалась, как будто слыша мелодию улиц.
 Время ветром крошило камни холмов античного века
 И песком золотым осыпало плечи смуглые девы.
 Дева плыла по тропе, словно в галере, к амфитеатру,
 Где музыка древних руин сливалась с дыханием моря.
 Извещала афиша, что гастроль скрипача-виртуоза
 Состоится в осенние дни – месяц и год нашей эры.

ДОЛИНА

Сержану Канапьянову

В долине таял образ дня,
 Рождались тени.
 Куст превращался возле пня
 В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
 Дышала тучей
 Сквозь слой воздушного стекла
 Над горной кручей.

Войду ли в ночь... Но белый конь
 Скачком с кургана
 Обронит и в мою ладонь
 Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
Лучом кристальным...
Всё повторится без меня
В долине дальней.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Вдоль берега в заката час бреду.
Устало солнце. Темной чашей влага
В себя вбирает профиль Карадага
И первую дрожащую звезду.

Морской пейзаж на страх свой и беду
Копировать не стану на бумагу.
Вечерний свет, я по нему найду
Тропинку, что ведет к могиле мага.

Вечерний свет эпохи Коктебеля,
Обязан вновь, обязан вновь тебе я,
Что отлучен от этой суеты.

Вечерний свет, что проникает в души.
Ничто во всей Вселенной не нарушит
Гармонии береговой черты.

* * *

То скрипка, то флейта,
То образ в строфе.
Мне даст концертмейстер
Свой столик в кафе.

Не в центре, не с краю,
А где-то в углу.
Нить вальса познаю,
Что вдеа в иглу.

То скрипка, то флейта,
То улочки свет.
То Стефана Цвейга
Австрийский сюжет.

То Моцарта fuga,
То Штрауса вальс.
Из венского круга
Не выйти на плац.

Нет вечной работы,
Есть вечная нить,
И вечные ноты,
И вечный гранит.

* * *

На свои только силы надеюсь,
В эту ночь никого не зову.
Словно волк, я от стаи отсеюсь,
Где-то там у костра отогреюсь
И – живую увижу траву.

Воплощусь в неизвестном поэте,
Возвращусь – не признает никто.
Только разве что взглядом отметят
На своем ритуальном совете
Старомодное это пальто.

Да и сам никого не признаю.
Воротник подниму на ветру.
Пьяный воздух свободы глотаю,
Может, зря эту книгу листаю,
Если ясно все будет к утру.

ЗВЕЗДА

Валерию Антонову

Представьте – в городе вечер.
Шел человек с работы.
Вдруг он звезду увидел,
Что вспыхнула первой в небе
В зимний субботний вечер.
Тихо звезда светила
Над городской суетой.
На точку далекую света
Смотрел человек. Улыбался.
Даже остановился
У шумного перекрестка.
Вот подошел зевака,
Зевака из любопытных:
– Что там такое, в небе?
– Звезда, – человек с улыбкой
Ему на вопрос ответил. –
Звезда, она нынче первой

Вспыхнула и не гаснет.
И люди вокруг столпились,
И все, на звезду глаза,
Не заметили даже,
Что в небе давно сияют
Такие же яркие звезды.

* * *

Достояние души.
Из небесного архива
Канцелярия решит,
Что дозволено для чтива.

Что дозволено, что нет,
Что звездой сгорит в пространстве,
Что таит глубинный свет,
Свет кочевья после странствий.

Может, вечностью дыша,
Уведет с земного края,
Чувствами переполняя,
Разрывая мрак, душа.

ЧАСЫ «МОЗЕР»

Равномерный бой часов
Предъявляет счет на вздохе,
Запирая на засов
То, что не дано эпохе.

Где-то варят в мире сталь,
Где-то хлеб пекут в пекарне,
Где-то берегом мистраль
Древние ласкает камни.

Где-то смыслу вопреки
Нерест поведет горбушу
На верха шальной реки,
Выворачивая душу.

Где-то лайнера радар
Время превратит в пространство.
Пассажиры этот дар
Осознают после странствий.

Дорога столетий, мне скифских эпох черепки,
 Как будто в сонете приход магистральной строки.
 Дорога столетий, легенду выносит ночами прилив,
 И – слушают, слушают дети берега вечный мотив.
 Дорогу столетий из детства ведет кочевая звезда.
 Луна ли небесной монетой мои разменяет года?
 Дорога столетий...

ИЗ ЦИКЛА «ТЮРКСКИЕ МОТИВЫ БЫТИЯ»

МОТИВ АБАЯ

Передо мной Всевышнего аяты.
 – Вершите добрые дела, – гласит Коран.
 Не требуют людской за это платы
 Благдеянья правоверных мусульман.

Тысячелетней мудрости трактаты,
 Не приукрасить их примерами обман,
 Не скрыть души безнравственной изьян,
 Грехи свои не спрятать под халаты.

Не только воздаянием молитвы
 Ты выйдешь победителем из битвы.
 Не принимай в награду скот иль серебро.

И, веру постигая, не под страхом
 Будь, аульчанин, чист перед Аллахом.
 И – на земном пути спеши творить добро.

ВЫБОРОЧНЫЕ МЕСТА ИЗ НАЗИДАНИЙ (по Шакариму)

Если мир постигнуть хочешь в наше время,
 в наши дни,
 Истину, одну из прочих, в юном сердце сохрани:
 Из того, о чем ты знаешь,
 вновь стремись всё больше знать,
 Чтобы то, во что вникаешь,
 оставшим мог объяснять.

Лень достойна укоризны, не достойна добрых слов,
 Не стыдись учиться жизни у поживших стариков.
 Если ты познал науку, постарайся передать
 Знания сыну, внуку, другу, чтобы мир могли познать.

Твои знания бесполезны безнадежному глупцу,
Что не вытащить из бездны, по его видать лицу.
Сколько б зерен ни бросали в каменистую среду,
Зерна не произрастали сеятелю на беду.

Попугай, хотя и знает обиходные слова,
Все же птицею внимают в то, что выдала молва.
Так, подобно попугаю, есть в ауле человек,
В суть предмета не вникая, не найдет себя вовек.

Как в дырявую посуду не нальешь святой воды,
Так у алчного часть ссуды не добьешься в дни беды.
И в рубли ты черный камень не старайся превратить,
И коварного стихами к доброте не приобщить.

Подлинный глупец не в силах
твою мудрость оценить,
Знать, природа обделила, не за что его винить.
Если бы он знал об этом, разве звался бы глупцом?
Неуместно звать поэтом неуча с таким лицом.

Вот луна, что отражает солнца заходящий свет,
Пусть по лунам мир считает –
сколько вышло лунных лет,
Ты по звездам время года распознать в ночи сумей,
Отраженный луч восхода
солнца самого слабей.

Добрые дела отныне верх одержат над бедой,
Станут жаждущим в пустыне оживляющей водой.
Горною ночной прохладой утомленного взбодри,
В спелом яблоке из сада зернышком живи внутри.

НОСТАЛЬГИЯ

(по Мыржакыну Дулатову)

Душа моя, скажи, куда зовешь, скажи?
В скитаньях пользы нет, их лживы миражи.
И молвлю я тебе – пора остановиться,
Но вечен день и ночь потайный зов души.

Душа моя, прошу, не будь смешной, не надо.
Боль сердца моего не для людского взгляда.
И молвила она с печалью и тоской:
«Простор Сары-Арки,
лишь в нем моя отрада.

Привольные долины желаю я объять.
Едиль, Жаик, с Нурую Есиля благодать.
Я поднимаюсь выше, я странствую в горах,
Урала и Алтая, Тянь-Шаня дух познать.

Хотела бы увидеть, как вольный сын-казак,
Приветствуя свободу, встает на стременах.
Но я не знаю, волен иль подневолен он,
Поведай мне об этом – на радость или страх.

Иль властвуют другие, чужие нам в степи?
Мне истину поведай, ты не молчи, не спи.
По-прежнему ли вместе – хан, бий,
батыр, джигит?
Из них, я верю, каждый – звено одной цепи.

Где времена, когда вы все тяжбы барымты
Из века в век решали, не уходя в кусты?
Суд праведный, суд божий,
где правда верх берет,
Всё это в прошлом, в прошлом,
а не наоборот...»

Душа моя рыдала, душа шептала мне:
«Ты в городе с чужими, на чьей ты стороне?!»
Смирился я, ответил:
«О вольная душа,
Взлетай, пари мечтою над степью в вышине!»

НАСТРОЕНЬЕ

(по Магжану)

Не в ладах я с настроеньем,
Вспыхнув, гаснет в тот же час
И с моим разумным мненьем
Не согласно всякий раз.

Как младенец прихотливый,
Всё повелевает мной.
Настроенья бес строптивый
Не проходит стороной.

И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.

Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.

Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.

СЛОВО АК ЖУНУС

Из эпоса «Ер Таргын»

В Бухаре знамениты шелка,
Знаменитая пряжа тонка,
Мои волосы так же легки,
В них волнуется зыбь ветерка.
К мастерам ты зергерам зайдешь,
Золотые там чаши найдешь,
Этих пуговиц золотых
Ты узоры, быть может, поймешь.
Украшения эти на мне
Светят, словно бы звезды в окне.
Бровь приподнята, речи остры,
И слова мои, знаю, мудры.
Ты, ученого встретив, сравни
Его мудрость и речи мои.
Там, в Имране, фисташки есть,
И других плодов там не счесть,
Мой же носик точеный сродни
Тому образу – ты сравни!
Там светильники всюду горят,
Им сродни мой сияющий взгляд.
И пройди ты сквозь эти огни,
И в глаза мои молча взгляни.
В Самарканд устремляешь свой взгляд,
Там сандаловых деревьев ряд,
Знай, что слиты так зубки мои,
И блистают в улыбке они.
Там, на кузнице, мастера
Тянут нити из серебра,
На мои же ты руки взгляни,
Знай, что так же изящны они,
А потом отправляйся ты в лес,
Знай, в нем заяц резвящийся есть,
Знай, что станом я так же гибка,
Знай, что так же походка легка,

Там увидишь ты снег на ветру,
Там увидишь ты снег поутру,
Белизна моей кожи сродни
Снегу этому – ты сравни!
Ты на щеки мои взгляни,
Как пылают румянцем они,
А румянец, что кровь на снегу,
Ты дичь подстрели – и сравни!

Родилась я в лазурном Крыму,
Он не виден отсюда сквозь тьму.
Ак Жунус я, дочь Акшахана –
И по стати, и по уму!
Там белым гусенком слыла,
Там нежным ягненком росла,
В косяке кобылиц белогривых
Жеребенком я резвым была.

Знай, что именем бредят моим
Древний Китай, родимый мне Крым!

ЯСТРЕБ

(по Махамбету)

Ястреб, касаясь крылами луны,
Прячет гнездо свое у крутизны.
Я также свободным был, молодым,
В жизнь свою верил с народом моим.
В поисках лучшей судьбы и земли
Нас предки веками в край этот вели.
Пусть не тревожит их вечный покой
Ястреб, летящий родной стороной.

ВСЕМ СЕРДЦЕМ СВОИМ

(из Ахмета Байтурсынова)

Мне ли бояться смерти в грядущем?..
Ей нечего взять, кроме брэнного тела.
И я не исчезну, бессмертную душу
К потомкам влечет мое кровное дело.

Я верю в святое свое назначенье,
Я будущим жил, и был этим храним.
Пусть ныне не понят своим поколеньем,
В грядущее верю всем сердцем своим.

КЮЙ «УРУС-СУЛТАН»

Только пальцы по струнам запляшут,
 Бродят звуки по памяти нашей.
 «Мне бы друга найти
 Настоящего,
 Самого себя не познавшего,
 Мне бы друга найти
 Настоящего,
 Черепахой по тропам
 Плутавшего,
 Мне бы друга найти
 Настоящего,
 В бездну пропасти
 с криком упавшего,
 На бармак* от погибели бывшего,
 Не разбившегося,
 Груз последним верблюдом
 Принявшего,
 Мне бы друга найти
 Настоящего».
 А пальцы по струнам
 Все пляшут,
 Бродят мысли
 По памяти нашей.

* Большой палец руки.

ОЧЕВИДЕЦ

Памяти

Мухтара Омархановича Ауэзова

Свидетелем он был эпохи,
 Он обожжен ее крылом.
 Биографические сроки
 Казенным пахнут сургучом.

Угрюм, бесстрастен и спокоен.
 Неужто выпита до дна
 Та чаша мирных лет и войн,
 Что каждому в пути дана?..

Но плавится сургуч запрета
 Скупой непрошеной слезой...
 И – обнажилась суть предмета
 Молнией предгрозовой.

Поэзия,
Во мне твоя душа,
Что образами льнет
К моей душе ранимой,
Из зеркала твой свет
Струится не спеша,
Глубинный свет неугасимый.

* * *

Пришли неизвестно откуда,
Уйдем неизвестно куда.
Последняя выбита с суда
На смутные эти года.

Быть может, к последнему морю
Выводит дорога судьбы,
Где к звездному тянется рою
Блаженная пыль ворожбы.

Мне слово мое нагадали
На строчках святого шитья.
Мелькнула цыганкою в шали
Бездомная муза моя.

И, прячась строкою в дискету,
Проступит на той стороне
Тот образ, что виден поэту
В небесном предутреннем сне.

